

15 июля 1974

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. МОСКВА

Эхо «Красного рупора»

Все началось с маленькой заметки в вечерней берлинской газете «БЦ ам абенд». Тридцатистрочная репортажная информация называлась так: «Он говорил через «Красный рупор». К 70-летию профессора Валлентина». Эта заметка заставила меня набрать десяток телефонных номеров, торопливо записать адрес и выяснить с помощью карты Берлина, что человек, о котором идет речь, живет в десяти минутах ходьбы от бюро ТАСС. И признаюсь, что я не верил в успех своего предприятия до той самой минуты, пока не увидел этого крупного молодого старика с седыми усами, который изящным актерским жестом пригласил меня в свою квартиру.

Почему не верил? Ну хотя бы потому, что со времени, когда член КПГ, молодой артист и режиссер Максим Валлентин организовал первую и самую известную агитпропгруппу «Красный рупор» Коммунистического союза молодежи Германии, до дня нашей встречи минуло без малого полвека. Почти 50 лет, вобравших в себя и ожесточенные классовые битвы немецкого пролетариата в двадцатые годы, и эпидемию фашистской чумы в этой стране, и самую страшную из войн, которую когда-либо переживало человечество...

Итак, профессор Максим Валлентин, лауреат нескольких Национальных премий ГДР, организатор и руководитель популярнейшего рабочего театра в Веймарской республике, один из пропагандистов искусства, где, говоря словами А. Луначарского, «все приподнято, все на котурнах, все в рупоре». Именно эти слова ассоциируются с программой театра германских комсомольцев «Красный рупор» — коллектива, который существовал с 1928 года до середины 1933-го (до середины 1933-го! Есть ли еще пример подпольного антифашистского театра?).

— Да, мы не сложили оружия и после прихода Гитлера к власти, — подтверждает мой собеседник. — Поскольку выступать легально на сцене уже не было возможности, мы устраивали летучие митинги прямо на улицах, в особенности возле стендов с нацистскими газетами, разоблачая их демагогию и клевету. А если говорить о более раннем времени... Вы правы, Михаил Кольцов очень точно описал один из наших концертов в Гамбурге — это было в одной из его корреспонденций, посланных в «Правду» из Германии летом 1932 года...

И он согласно кивает головой в такт колыцовским строкам, которые я перевожу ему на немецкий:

«Это очень похоже на «Синюю блузу» и сродни нашему ТРАМУ. Только еще больше насыщено и пересыщено политической. Ребята извергают целые тучи тезисов и лозунгов, они прочитывают под музыку и барабан целые резолюции... Здесь, где рабочий, да и то далеко не всякий, имеет единственным завоеванием свою сознательность, политическая часть спектакля поглощается жадно, как брызги воды на раскаленном железе...»

— Могу добавить к колыцовскому репортажу лишь одну деталь, — улыбается Максим Валлентин. — Спецкор «Правды» пишет, что полиция, ссылаясь на запрет «Красному рупору» выступать перед массовой аудиторией, пропускала в зал, где шло наше представление, лишь членов КПГ. Так оно и было. Но мы организовали передачу партбилетов тем рабочим, которые толпились перед входом и хотели попасть на спектакль...

— А назывался он «За Советскую власть!». В 1929 году мы были на гастролях в СССР, и после этой поездки сделали свою самую известную программу, в которой, как опять-таки верно писал Кольцов, показывали... «и Октябрьскую революцию, и гражданскую войну, и восстановление промышленности, и борьбу с оппозицией, и Днепрострой, и что хотите».

— Тучи тезисов и резолюции под барабан? То есть плакатность нашего театра? Как вам сказать... В какой-то степени Кольцов, очевидно, был прав. И все же могу утверждать, что «Красный рупор» боролся за реализм, если хотите, даже за «социалистический реализм», хотя такого термина мы в ту пору не знали. Мы придерживались прежде всего такой формы, как сценическая баллада: в несколько строк впрессовывалось событие, вкладывалась реальная история, которые обычно приносила в наш театр моя жена Эдит. Она даже не записывала этот материал, а запоминала его на манифестациях или собраниях рабочих, а потом мы оформляли все это в свои баллады.

Эдит Валлентин сидит тут же рядом и лишь изредка, в нужный момент добавляет какую-нибудь деталь к рассказу мужа. История их совместной жизни и борьбы длинна и патетична: в ней трагизм и непреклонная вера в победу идеалов, которым посвятили себя еще в юности эти два мужественных и талантливых человека.

— Мой отец — режиссер Рихард Валлентин — первым в Германии поставил горьковскую пьесу «На дне». Это было, кажется, через год после

ее премьеры в Московском Художественном театре. Отец был близок с Карлом Либкнехтом и другими вождями немецкого рабочего движения. Конечно же, это сыграло немалую роль в моем воспитании. Великий Октябрь вошел в мою жизнь, когда я был еще школьником, — вошел навсегда, стал смыслом всей моей жизни. И уж коль скоро я заговорил об этом, расскажу, что одним из самых ярких впечатлений моей молодости (может, тогда и возникла у меня идея «Красного рупора») был концерт Владимира Маяковского в Берлине. Он выступал в огромном, прямо-таки гигантском зале, который был забит рабочим людом и заполнен клубами табачного дыма. Помню его фигуру на сцене, широкие плечи, помню, как читал он свой «Левый марш», повторяя одну фразу по-немецки с раскатистым русским акцентом «Дас ворррт хаст ду, геноссе маузеррр!». Казалось, он царит над всем залом — такой стремительной была его фигура даже в статике декламации...

Из четырехчасового интервью с Максимом Валлентином я выбираю отдельные моменты, опорные пункты его интереснейшей биографии: руководство «Красным рупором», подпольная деятельность в нацистской Германии, эмиграция в Прагу, переезд в СССР по распоряжению руководства КПГ, подписанному Вильгельмом Пиком, работа режиссером в советских театрах и диктором на Московском радио, возвращение на родину в первые же дни ее освобождения от фашизма...

Он прилетел в поверженный Берлин чуть ли не на втором военном самолете, который уже не нес бомб и снарядов. Прилетел, чтобы получить назначение на работу в Веймар, где с головой окупился в восстановление театрального дела. Его детище — труппа молодых актеров, на фантастическом автобусе, собранном из деталей с какой-то свалки, ездила с концертами и спектаклями по территории нынешней ГДР. Она-то, эта труппа, и положила начало одному из интереснейших сценических коллективов сегодняшнего Берлина — Театру имени Максима Горького.

— Мы не прекращали свою борьбу и свою работу ни на миг. И в нынешней драматургии ГДР, в постановках на революционные темы, которые осуществляются нашими лучшими театрами, я вижу и чувствую многое из того, чего добились мы в те далекие годы...

А. ГРИГОРЬЕВ,

корр. ТАСС — специально для «Советской культуры»,
БЕРЛИН.